

Ко Дню конституции Украины президент Виктор Янукович наградил известного поэта и журналиста, члена исполкома Международного сообщества писательских союзов, члена президиума Международного Литфонда, председателя Межрегионального союза писателей и сопредседателя Конгресса литераторов Украины Владимира Спектора почётным званием «Заслуженный работник культуры Украины». Указ подписан 25 июня 2010 года. Звание, как сказано в Указе, присвоено за весомый личный вклад в государственное строительство, развитие конституционных принципов украинской государственности, за многолетний добросовестный труд и высокий профессионализм. «ОЛГ» поздравляет коллегу с высокой наградой и публикует его очерки.

Владимир Спектор

1. ЖОРЖ НИВА: «СВОБОДА НУЖНА.

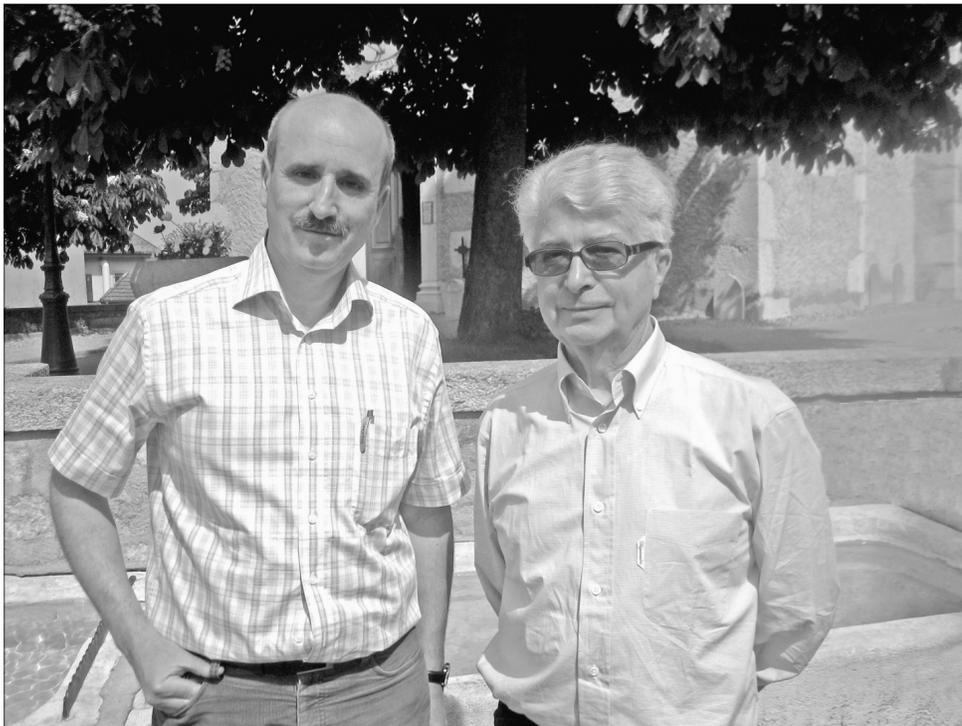
Говорят, что легенду творит вся деревня, а книгу пишет одинокий сумасшедший. Если большой деревней признать нашу Землю, а в качестве сумасшедших рассматривать писателей, то можно согласиться, что утверждение недалеко от истины. (Правда, мир в своём стремлении стать сумасшедшим успешно обгоняет своих писателей). 20-й век подарил истории целый ряд легендарных литературных имён, украшенных фамилиями Цветаевой и Ахматовой, Пастернака и Бунина, Маяковского и Мандельштама, Есенина и Бродского, Булгакова и Солженицына... Рядом с ними и сегодняшний наш собеседник, наиболее известный в мире славист, писатель, литературовед и публицист, который был хорошо знаком с Ахматовой, Пастернаком и Бродским, дружил с Окуджавой, Некрасовым, Синявским и является крупнейшим специалистом по творчеству Солженицына. Уже этого перечисления достаточно, чтобы понять и оценить неординарность личности в контексте современной литературы. Но то, что Жорж Нива (а речь именно о нём) при этом является гражданином Франции и профессором Женевского университета, добавляет к характеристике ещё и оттенок уникальности (легендарности?).

Пунктуальный месье Нива (кстати, в университете его иногда называют Георгием Ивановичем) выделил для беседы ровно час, в течение которого (на прекрасном русском языке) говорил о многом — о жизни, литературе, политике, Женеве... А на заданные вопросы поощал отвечать письменно. Что и сделал, подтвердив репутацию человека обязательного и обстоятельного (не просто писателя, но — профессора).

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

Итак, почему вся Ваша жизнь связана с русской литературой? Чем был обоснован такой выбор?

Ж.Н.: Моя встреча с русским языком произошла в родном овернском городе, где по соседству с нами жил эмигрант Георгий Никитин, человек добрый и простой. Он был перелётчиком, знал и любил литературу, и мы с ним много разговаривали. Я и до этого, конечно, увлекался русской литературой, прежде всего, Достоевским, особенно «Бесами» в переводе Бориса Шлёцера.

Владимир Спектор и Жорж Нива

Русская эмиграция меня очаровала. В большинстве своём это были люди крайне культурные, образованные, изящные, прошедшие сквозь страшные страдания. Я был знаком с Б.Зайцевым, Г.Адамовичем, В.Вейде, С.Маковским... Благодаря им, потом стал ощущать некую прямую связь с русским Серебряным веком. Кстати, связь жизни с поэзией очень характерна для всей той эпохи. Я стал изучать Андрея Белого. В его творчестве видел и утопию, и предположение катастрофы, и неминуемый выход к Солнцу, к Абсолюту. Перевод его «Петербург» стал вехой в моей жизни.

Какими запомнились годы учёбы в Москве, литературная атмосфера того времени?

Ж.Н.: Вам это покажется доисторическими временами, но первый раз я появился в Москве осенью 1956 года. Моя жизнь оказалась связанной с Борисом Пастернаком, Солженицыным, Окуджавой, я помог публикации «Зияющих высот» Александра Зиновьева и ещё многим авторам, не таким известным. Годы, проведённые в МГУ — незабываемые. Оттепель, бурные собрания, исключения студентов-бунтарей... Знаковым стало знакомство и близкое общение с Борисом Пастернаком, с семьёй Ольги Ивинской. Вспоминаются не только приятные моменты. Была и попытка отравить меня, пребывание в московских больницах, слежка. В конце концов — высылка в августе 1960 года.

В МГУ я близко видел Еренбурга, был на юбилее Сельвинского, слушал лекции профессора Бонди, посетил семинар Н.К.Гудзия о Толстом. А ещё были два года учёбы в Оксфорде, знакомство с русской эмиграцией в Лондоне. Запомнились общение с историком и философом Г.М.Катковым, а также с патристологом Г.М.Найдичем. И, конечно, — с профессором, сэрмом Исайей Берлином, изумительным философом свободой, знатком русской литературы, близким другом Анны Ахматовой.

ОН И ФРАНЦИЮ ГЛУБОКО ИЗМЕНИЛ

В те же годы произошло Ваше знакомство с Солженицыным. Меняется ли со временем оценка его творчества, влияния на литературный процесс в России, СНГ?

Ж.Н.: Мы с женой переводили на французский «Раковый корпус», «Из-под глыб». Тогда же состоялась встреча с Александром Исаевичем, сначала в Париже, а потом — в Кавендеше, где он жил. Вообще, с 1974 года из СССР шёл просто поток эмигрантов. Брежнев отправлял людей на Запад. По собственной воле страна лишала себя своих талантов — Ростроповича, Барышникову, Шемякина... Это была катастрофа. А мы, Запад, получали в подарок этих людей. Конец брежневского времени был самым нелепым временем для СССР. В Женеве бывали мои друзья Виктор Некрасов, Андрей Амальрик, Ан-

дрей Синявский. Очень интересным было сотрудничество с Натальей Горбаневской, Иосифом Бродским, Владимиром Максимовым, Александром Галичем. Я думаю, страна рухнула потому, что почувствовала, как сама себя умерщвляет. Когда мы получали книги Евгении Гинзбург, генерала Григоренко, они нас поражали, потому что были экзистенциальными книгами. Авторы рассказывали о собственных мучениях, собственном опыте: как конкретный человек спасся от катастрофы. И это были очень индивидуальные отзывы. Когда арестовали машинистку Сол-

женицына, и она повесилась, писатель позвонил и заранее оговоренным условным сигналом дал понять, что надо опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ». Он отдавал себе отчёт в том, что это удар топором по советской власти. На мой взгляд, эта книга как-то перевернула историю двадцатого века. Это не очень сейчас осознают. А наш французский прозаик Филипп Солес сказал про Солженицына: «Это Данте новых времён». Проблема Солженицына в том, что он играет две роли одновременно. С одной стороны, его знают и издают как классика. И его, таким образом, уже как бы нет. С другой стороны, он всё-таки живой человек, желающий сказать своё слово. Он жалуется, что его не читают. Наверное, в изменившемся нашем мире пророку места нет. Он остро переживает за свою Родину, чувствует её, как больной член собственного тела, но он и европейский автор, один из создателей и поэтов постстолетической Европы. Он и Францию глубоко изменил.

ОТ СОЛЖЕНИЦЫНА ДО СОРОКИНА — БЕЗДНА

Что происходит с литературой сегодня? Востребована ли серьёзная книга? Характерен ли для западного общества безумный рост популярности детективов, боевиков, «дамских» романов, или это — примета нынешнего постсоветского пространства?

Ж.Н.: Я не разделяю общий плач о снижении уровня текущей литературы. Пусть люди отдыхают. Нужно будет: откроют Достоевского, Гроссмана, Библию...

Нет «серьёзных» книг. Пушкин их не любил. Но есть книги искренние, прошедшие сквозь огонь трагедии. К сожалению, они не пишутся по заказу. Обратите внимание — у нас больше нет жизненно необходимых писателей, пророков. От Солженицына до Сорокина не просто большая дистанция, но — бездна. Это разные миры. У нас много издают Пелевина, Сорокина. Все хотят объяснить, что вместо СССР сегодня, что же это за Сфинкс? И отчего-то считают, что вот они, Пелевин, Сорокин, Кочергин, нам всё и объяснят. Но это глубоко неверно, это какой-то примитивизм. Что может объяснить литература издательства, святотатства, торжества материально-телесного низа — разве это выражает суть жизни?

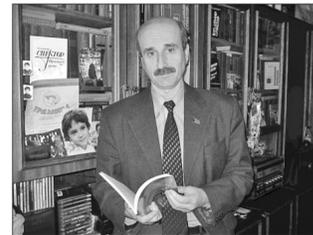
На мой взгляд, Петрушевская или Пье-

роу — гораздо более богатые писатели этой точки зрения. Читая их, видишь сны из нынешней жизни, которые действительно помогают понять, что происходит в России или в Украине. А как понять что-то по Пелевину? Или по «Голубому салу»? Конечно, я не требую от литературы, чтобы она стала зеркалом действительности, однако всякая настоящая литература эту действительность помогает понять. Роман, повесть — это не документ, но они оказывают читателю помощь. Постмодернизм — совсем не выражение нашего времени. Он — выражение страшной духовной нищеты, которая есть

сегодня, и страшного социального расщепления, которое существует. Игривость постмодернизма — не только в России, она повсюду.

Великая литература не смогла воспрепятствовать мировым войнам, конфликтам, потрясениям ни в прошлом, ни сейчас... Почему человечество не прислушивается к добрым советам, не читывает в мудрые книги, не следует христианской морали, в конце концов. Ведь Слово, которое было в начале, учило добру и милосердию. Где оно?

Ж.Н.: Литература не предохраняет от зла. Она пишет о нём. Об убийстве, о Канине и о Трое, о сошедших с ума народах. Она лечит, она катарсис, а не хирург. Пастернак сочиняет «Сестра моя жизнь» в 1917 году. О революции — ни слова. Молчание — это героический подвиг.

Хорватский художник Мусич пишет ужасающую серию «Мы не последние» о жертвах Холокоста. Американец Литтелл создаёт огромную фреску об осквернении ума и тела Европы гитлеровской психопатологией и шепет у греческих трагиков «Ключ» к тому ужасу, что понять нельзя.

Что было — то было. Уменьшающих вину обстоятельств — нет. И литература порой — отягчающее обстоятельство. Она может поджигать, провоцировать, любить кровь и погром. Но, безусловно, были, остаются и будут произведения, которые талантом и добрыми мыслями автора помогают читателю лучше разобраться в жизни, стать благодарнее, возвышеннее. Но для этого книги нужно читать. А привычку, стремление к чтению — воспитывать.

«...Рама!» — он, пулемётчик и занитчик в одном лице, вслушиваясь в нависающий над лесом гул, узнал её сразу. А вот и сама она! Как ехидна, высматривающая и вынюхивающая всё вокруг...

«А что если?» — он понимал, что двухлетняя «рама» с пулемёта не сбивается. Но турель — на плеч, терять — нечего. И пулёмётная очередь полоснула по небу. «Надо "строчками"... сверху вниз... Вот так!»

Орден Красного Знамени (первый из многих наград) вручили Зубу за сбитую «раму» через восемь месяцев из-за военных неразберих... Но нет сегодня этого ордена на фронтовом иконостасе Дмитрия Ивановича. Отсутствует. Причина более чем нелепая. После войны пришлось поехать ему на Киевском вокзале. Сон крепкий. А когда проснулся, там, где был орден, — дыра. Кто-то вырезал. С таканью...

Это лишь один эпизод из фронтовой биографии Дмитрия Зуба. Но сколько их было! Ему повезло: выжил, пройдя все тяготы войны сначала пулёмётчиком в пехоте, потом журналистом фронтовой газеты, материалы которого маршал Георгий Жуков использовал при написании своих воспоминаний. А с одноклассником полковника — народным художником СССР Николаем Жуковым — и воевал вместе, и на Нюрнбергском процессе как корреспондент сидел. Зуб — в качестве корреспондента газеты, Жуков — как художник, рисовавший с натуры фашистских улик, потерявших вдруг свою былую спесь и наглую уверенность в своём превосходстве над всем миром.

ПИР ВО ВРЕМЯ СВОБОДЫ

Кого из современных писателей Вы считаете наиболее интересными, значительными? Кто, на Ваш взгляд, определяет уровень писательского мастерства, объединяя глубину мыслей и искренность чувств с читательской популярностью?

Ж.Н.: Из не совсем молодых — Марк Харитонов. Из более новой плеяды — Андрей Дмитриев — «Закрытая книга», Марья Кучерская — «Современный патерик», Алексей Иванов — «Золото бунта», в поэзии — Ольга Седакова, Олег Чухонцев, Сергей Гудлевский.

У меня в Париже своя коллекция книг, переведённых с русского. Я издал в ней Марка Харитонина, дневники Давида Самойлова, дневник Корнея Чуковского, Михаила Шнишкина «Взятие Иманла», он, между прочим, получил «Букера». Что касается украинской литературы, знаком с произведениями Василия Стуса, Бориса Чичибабина, Василя Барка, Фридриха Горенштейна. Знаю, что в Украине сейчас несколько писательских союзов, и центр одного из них — в Луганске. Это — признак демократии, хотя я всегда сторонился писательских организаций.

Стараюсь следить за событиями в Украине, не только литературными. Я думаю, что разочарование и неудача — обязательные составные части свободы. Пир во время свободы может кончиться хаосом и неудовольствием всех. И для Украины, и для России это полезный урок: свобода нужна, но свобода — не всё. Остро нужны порядочность, культура, честность, любовь к близким, а не только к своему карману. В принципе, великая литература этому учит. Но только тех, кто хочет учиться. Я горячо желаю успокоения, демократического компромисса и уважительного отношения друг к другу. И чтобы Россия смеялась на украинский опыт с симпатией и открытостью. Пушкин любил империю и свободу. Пора любить свободу и начинать понимать друг друга. Ибо в Украине, и Россия — это Европа, среди принципов которой — культура, цивилизация, толерантность.

А в моих планах — освоить украинский язык и заняться переводами на французский произведений Сковороды и Стуса.

«К концу русского мифа», «Россия — Европа, к концу раскола» — это названия двух первых томов сочинений Жоржа Нива о русской литературе и культуре в её взаимосвязи с остальной Европой. Совсем скоро в Лозанне выйдет в свет третий том — «Жить русским языком». Это утверждение французского профессора, преподающего в швейцарском университете, содержит определённый ключ к демократической жизненной позиции: не кулаком, не злобой и обманом — словом, пониманием и уважением добывать поставленную цели. Жить языком — русским, украинским или французским, жить, пытаясь разобраться в словах и делах, как это делает профессор Жорж Нива.

2. ПИСАТЕЛЬ ЗУБ и МАРШАЛ ЖУКОВ:

«ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ»

На одном из заседаний Правления Международного литературного фонда слово взял Евгений Евтушенко. Но его речь не понравилась московским коллегам. Они начали что-то выкрикивать. Евтушенко замолчал, потом тихо произнёс: «Я же старше большинства из вас...» «И что?» — послышалось в ответ. Вдруг поднялся писатель с орденскими планками на пиджаке: «Что же творится! Как вам не стыдно!» Шум стих... Писателем тем оказался Дмитрий Иванович Зуб, фронтовик, прошедший войну от Москвы до Берлина, общавшийся в военные годы с маршалом Жуковым, в мирной жизни выпустивший более двух десятков книг, долгое время проработавший соркомом столичных изданий. Главное, человек феноменальной порядочности и честности.

«ВОЙНА — СОВСЕМ НЕ ФЕЙЕРВЕРК, А ПРОСТО — ТРУДНАЯ РАБОТА»

«...Рама!» — он, пулёмётчик и занитчик в одном лице, вслушиваясь в нависающий над лесом гул, узнал её сразу. А вот и сама она! Как ехидна, высматривающая и вынюхивающая всё вокруг...

«А что если?» — он понимал, что двухлетняя «рама» с пулемёта не сбивается. Но турель — на плеч, терять — нечего. И пулёмётная очередь полоснула по небу. «Надо "строчками"... сверху вниз... Вот так!»

Орден Красного Знамени (первый из многих наград) вручили Зубу за сбитую «раму» через восемь месяцев из-за военных неразберих... Но нет сегодня этого ордена на фронтовом иконостасе Дмитрия Ивановича. Отсутствует. Причина более чем нелепая. После войны пришлось поехать ему на Киевском вокзале. Сон крепкий. А когда проснулся, там, где был орден, — дыра. Кто-то вырезал. С таканью...

Это лишь один эпизод из фронтовой биографии Дмитрия Зуба. Но сколько их было! Ему повезло: выжил, пройдя все тяготы войны сначала пулёмётчиком в пехоте, потом журналистом фронтовой газеты, материалы которого маршал Георгий Жуков использовал при написании своих воспоминаний. А с одноклассником полковника — народным художником СССР Николаем Жуковым — и воевал вместе, и на Нюрнбергском процессе как корреспондент сидел. Зуб — в качестве корреспондента газеты, Жуков — как художник, рисовавший с натуры фашистских улик, потерявших вдруг свою былую спесь и наглую уверенность в своём превосходстве над всем миром.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЕДАКТОРА ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЫ

...Однажды, под Ржевом, комиссар полка Баев пригласил к себе сержанта Зуба: «Звонил из армейской газеты. Езжай. В редакции хотят видеть тебя». Редакции Зуб был интересен: писал заметки с передовой! Таких немного. К тому же писал то, что видел. (Позже, в 42-м, именно в редакции газеты «На разгром врага» издадут его первую книгу. Под названием «Возвращение». Книжка небольшая, страничек двадцать, составленная из фронтовых заметок. И, кстати, изданная по инициативе редакции).

В редакцию зашёл могучий солдат, его представили сержанту: «Знакомьтесь». А тот: «Мы знакомы! — и к Зубу — Помните? Я вас спасал, под Москвой». Зуб вспомнил: ранило тогда его в левую руку и, лежа от природы, он себе перевязку сделать не мог. Тогда и объявился в его судьбе этот солдат, предложивший помощь. «Кто ты?» — «Жуков, Николай. Художник я. Но воею». Зуб вспомнил: ещё до войны в полк приносили альбомы этого художника. Вот так встретились. С тех пор дружба их не прерывалась.

Более 20 книг написал Дмитрий Зуб: «Перелом», «Следы ведут в Бруклин», «В борьбе за жизнь», «Романтики», «Зодиак», «Парень со свирелью»...

Но главным своим произведением считает историко-документальный роман «Мерцающие зеркала», герой которого — командующий войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, а впоследствии главным Сухопутных войск маршал Жуков. Роман не зря назван документальным: большинство событий в нём реально, а в образе капитана Телгина легко угадывается сам автор. Это честная и правдивая книга.

Среди действующих лиц — не только Жуков, но и Сталин, Берия, Хрущёв, Брежнев, Солженицын, Сахаров, гитлеровские генералы и простые люди, не жалевшие жизни ради Победы. В ней — мнение автора об исторических событиях, выпавших на долю его поколения. Ограниченный тираж помешал книге стать бестселлером в масштабах страны. Вот как Дмитрий Иванович вспоминает Нюрнбергский процесс (из романа «Мерцающие облака»): «Слушаю ход судебного заседания и поражаюсь, как Сталин со своими соратниками легко, без зазрения совести дудрили гражданам СССР мозги по поводу крайне строгой тантнерности Германии в подготовке и развязывании войны против нас. Будто бы секретность из гитлеровцев была полная. И они, якобы, внезапно и вероломно прорвали наши границы...»

Но, оказавшись, совсем не нужно было находиться в Берлине дорогостоящего Штир-

лица и выдумывать "Семнадцать мгновений весны". Гитлер, как показал процесс, ничего не утаивал. Он изложил свои планы в книге "Майн Кампф" ещё в 1925 году. Её в Германии продавали на каждом перекрёстке, навязывали молодёжкам перед венчанием, а брадьям и вовсе бесплатно давали. Подобно железнодорожному расписанию, в ней всё было с немецкой пунктуальностью изложено: читай, товарищ Сталин, и мойте себе на ус, начиная интенсивную подготовку к отражению нападения.

Куда там! Строилась надежда на авось. Авось Гитлер не тронет нас, ведь обещал мирное сотрудничество. Пусть кого-то бьёт, а нас избавит от столкновений. Политбюро не считало нужным открыть народу правду, какую в мире величайшую опасность представляет собою фашизм. Это — одна из главных подлостей нашего диктатора...

Беспорные факты глумления фашистов над людьми. Волосы становятся дыбом от звериной ненависти фашистов ко всему, что им не нравилось. "Закрывать сердце для жалости!" — приказывал Гитлер послушным немцам. И они закрыли его. Житель Львова показал перед комиссией трибунала, что он сам видел, как во дворе дома №8 на улице Артиллерийской в июле 1941 года эсэсовцы привели 20 человек, среди них четыре профессора, адвокаты, врачи, 5-6 женщин. Их заставили языком и губами мыть лестницы в семи подъездах четырёхэтажного дома. Потом их заставили собирать во дворе губами мусор, после чего расстреляли.

И ещё один из страшных свидетельств в романе: «В Освенцим привели шестнадцать детей. Для удушения газом их разделили, вткнули в две камеры. Эсэсовцы, включив газ, вышли покурить. Через пятнадцать минут, рассчитывая, что дети умерщвлены, открыли камеры, а малыши живы. Где-то лопнула труба, и газ перестал поступать. Но приказ есть приказ, и голых их повели к пылающему топкам. Стали живыми бросать в огонь».

Страшно читать эти странички, страшно осознавать, что и эти факты не учат людей быть человечнее, что и сегодня продолжают войны, творится насилие, а события тех лет подделываются, искажаются и перекручиваются. Потому так дороги свидетельства очевидцев, таких, как Дмитрий Зуб, да и ещё изложенные с талантом и любовью к людям. Не зря за роман Дмитрий Иванович награждён литературной премией имени Владимира Дала.

«И ПРОЖИТОМУ Я ПОДВЁЛ ЧЕРТВУ, ЖИЗНЬ РАЗДЕЛИВ НА ЭТУ И НА ТУ»

«Есть только две вещи: твою жизнь и твою литературу. Из этих двух приходится выбирать. Что-то одно делаешь серьёзно, а в другом только делаешь вид, что работаешь серьёзно» — это высказывание трудно применимо к творчеству Дмитрия Зуба. Ведь он по судьбе был не попутчик, а соучастник, не персонаж, а герой. Он не описывал жизнь, а делал её.

В начале 1943-го Дмитрий Зуб, получив офицерское звание и должность военного корреспондента, продолжал участвовать в сражениях Второй мировой: в форсировании Днепра, освобождении Украины и Польши, в штурме Берлина.

О том, как он воевал, говорят боевые ордена: Отечественной войны первой и второй степеней, Красной Звезды. Одна из самых памятных наград — медаль «Почётный ветеран Великой Отечественной войны». Удостоверение на неё подписал армянский командир Советского Союза генерал авиации Павел Батов и легендарный лётчик-истребитель Алексей Маресьев.

ИЗ ПИСЬМА Д.И. ЗУБА ЖЕНЕ ЕЛЕНЕ ИВАНОВНЕ

«Я живу так долго для тебя. Видимо, сам Бог поддерживает моё пребывание на земле, придаёт силы для труда, вдохновения и для того, чтобы ты, моя милая, не ощущала тяжести и тоски одиночества. Я люблю тебя, как в молодые годы...»

Не зря говорят, что романы создаются и на земле, и в небесах. Просто не каждому суждено стать автором или героем такого романа. Ещё отрывок из письма. Дата 18 ноября 1941 года, самые страшные дни войны. «Здравствуй, мой дорогой сын Митя! У нас зимы. Братский привет тебе от Володи и Веры. От меня же — отпоское благословение на совершение великого подвига по уничтожению гитлеризма. Нет более чести, чем вести отечественный бой. Я желаю, что мне 67 лет... А душа рвётся туда. Чтобы отомстить озверевшим фашистам за убойство своей сестры Анны и сожжение моего дома в селе Иванковцы Каменец-Подольской области. Будь здоров, мой дорогой Митя — моя гордость...»

Дмитрий Иванович не подвёл своего отца и тогда, на фронте, и в мирной жизни. В его «Мерцающих зеркалах» отразилась жизнь во всей полноте, без искажений и фальши. Ведь правда всегда находится в пути, а история, как любил он повторять, продолжается. Писатель Зуб и сегодня вместе с нами. Ведь хорошие книги не умирают.